ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.И. Капелюшников

ОТДАЧА ОТ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: НИЖЕ НЕКУДА?

Препринт WP3/2021/03
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Москва
2021

УДК 331
ББК 65.24
К20

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Капелюшников, Р. И.
К20 Отдача от образования в России: ниже некуда? [Текст] : препринт WP3/2021/03 / Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 52 с. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 35 экз.

В работе делается попытка представить максимально широкий спектр оценок отдачи от образования для России, введя в научный оборот ряд новых источников микроданных, которые до сих пор оставались вне поля зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей. Практически все существующие для России оценки были выполнены на данных единственного источника – Российского мониторинга здоровья и экономического положения населения (РМЭЗ ВШЭ). Согласно этим данным, начиная с середины 2000-х годов отдача от образования в России неуклонно снижалась и к концу 2010-х годов опустилась до аномально низких значений. В работе тезис о сверхнизкой «окупаемости» российского образования подвергается эмпирической проверке с использованием микроданных трех альтернативных обследований, регулярно проводимых Росстатом. Согласно этим источникам, отдача от образования в России достигает в настоящее время 12–13%, что выше оценок по РМЭЗ. Обучение в вузе увеличивает заработки примерно вдвое (так что премия за высшее образование приближается к 100%) и даже обучение в ссузах обеспечивает прибавку к заработкам порядка 20–30%. Альтернативные обследования свидетельствуют также, что на протяжении последних пятнадцати лет отдачи от образования в России оставались стабильно высокими и, следовательно, никакого тренда к снижению экономической ценности образования не наблюдалось. Это позволяет отвергнуть популярный сегодня среди исследователей тезис о сверхнизкой «окупаемости» российского образования.

УДК 331
ББК 65.24

Капелюшников Ростислав Исаакович (rostis@hse.ru), член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, заместитель директора Центра трудовых исследований (ЦеТИ) НИУ ВШЭ.

Препринты Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» размещаются по адресу: http://www.hse.ru/org/hse/wp

© Капелюшников Р.И., 2021
© Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2021

Введение[1]

В последнее время среди зарубежных и отечественных исследователей широкое распространение получила точка зрения, согласно которой начиная с середины 2000-х годов отдача от образования в России неуклонно снижалась и к настоящему моменту опустилась до значений гораздо ниже тех, что наблюдаются в большинстве других стран.

За примерами ходить недалеко. Так, по недавним оценкам группы экспертов Всемирного банка под руководством Г. Патриноса, российские показатели «окупаемости» образования достигли пика в 2003 г., после чего перешли на устойчивую понижательную траекторию, сократившись к концу 2010-х годов вдвое [Melianova et al., 2020]. В настоящее время отдача от образования едва превышает отметку 5% и даже выигрыш в заработках в расчете на один год обучения в вузе составляет только 8%. В межстрановой перспективе оценки для России предстают как одни из худших в мире [Ibid.].

Такая же безрадостная картина вырисовывается из работ многих российских исследователей. То, что прежняя тенденция к возрастанию экономической ценности образования себя исчерпала, преподносится как непреложный факт: с 2000-х годов отдачи «безусловно начали падать» [Тихонова, Каравай, 2018]. Все типы профессионального образования (за исключением высшего) являются сейчас экономически бессмысленными, так как не приносят своим обладателям никаких выгод [Там же]. Если рабочие и служащие получают хотя бы мизерную отдачу от образования в 2,5–4%, то у руководителей и специалистов она вообще стремится к нулю [Аникин, 2018]. В среднем дополнительный год обучения обеспечивает российским работникам ничтожную прибавку к заработкам порядка 5% [Тихонова, Каравай, 2018]. Поскольку в данном отношении Россия явно «отстает... от других развивающихся стран» [Архипова и др., 2017], показатели отдачи от образования, которые она сейчас демонстрирует,с полным основанием можно квалифицировать как «минимальные» [Anikin, Karavay, 2020].

[1] Автор выражает благодарность А. Лукьяновой и В. Гимпельсону за комментарии и помощь с данными, а также В. Аникину, А. Волгину и П. Сорокину за полезные консультации.

К этому стоит добавить, что количественные оценки, появившиеся сначала в академических публикациях и многократно воспроизведенные затем в популярных изданиях, имеют свойство проникать в сознание экспертов, политиков и чиновников, формируя их картину мира. Не исключено, что подобным образом складывалась ситуация в России, где с определенного момента низкие отдачи от образования, похоже, начали восприниматься как сигнал к переориентации экономической и образовательной политики, хотя в долгосрочной перспективе это может быть чревато серьезными негативными последствиями.

Позицию, доминирующую сегодня среди исследователей российского рынка труда, мы будем называть тезисом о сверхнизкой «окупаемости» образования. Достаточно парадоксально, но, строго говоря, он опирается на показания единственного источника – Российского мониторинга здоровья и экономического положения населения (РМЭЗ ВШЭ), поскольку подавляющее большинство всех исследований по российскому рынку труда – как отечественных, так и зарубежных – выполнено именно на его данных. Однако при всех несомненных и хорошо известных достоинствах РМЭЗ нельзя исключать, что столь сильная асимметрия в пользу одного источника может оказываться в конечном счете контрпродуктивной и давать смещенную картину реальности. Оправданием такого одностороннего подхода могут служить только трудности с доступом к альтернативным базам данных, но даже это верно лишь отчасти. Так, высказанные в наших предыдущих работах предостережения о том, что другие источники не подтверждают вывода о резком падении экономической ценности российского образования, оказались проигнорированы [Капелюшников, 2012; 2013; Gimpelson, Kapeliushnikov, 2017].

Главная цель настоящей работы заключается в том, чтобы представить максимально широкий спектр оценок отдачи от образования для России, не ограничиваясь каким-либо одним источником. Только так можно понять, в какой мере обоснован популярный тезис о его сверхнизкой «окупаемости». Следует специально подчеркнуть: наш анализ ориентирован на решение не объяснительных, а исключительно измерительных задач и не претендует на выявление «чистого» (каузального) эффекта образования с точки зрения заработков. Этим объясняется, почему оценки отдачи от образования рассчитываются нами на основе минцеровского уравнения заработков

в «канонической» форме, то есть с включением минимального набора контрольных переменных и с использованием простейшей эконометрической техники (МНК).

Стоит напомнить, что по большому счету отдачи от образования – это всего лишь модифицированная версия стандартного показателя относительных заработков для тех или иных образовательных групп. Но анализ разрыва в заработках между индивидами с разной продолжительностью обучения или разными уровнями образования может представлять самостоятельный интерес независимо от того, что выступает источником этого разрыва – собственно образование или какие-то иные факторы. Отметим также, что при измерении отдач от образования преимущество инструментальных оценок перед простыми МНК-оценками далеко не столь очевидно, как может показаться на первый взгляд[2]. Наконец, нельзя забывать, что принимая решения об инвестициях в человеческий капитал, учащиеся и их семьи ориентируются прежде всего на *наблюдаемые* различия в заработках между образовательными группами, а не на изощренные эконометрические оценки из академических публикаций.

«Российское образовательное проклятие»?

Удобным отправным пунктом для нашего анализа может служить серия обзорных исследований Всемирного банка, где обобщены оценки отдач от образования для более чем ста стран мира, выполненные по единой методологии [Psacharopoulos, Patrinos, 2004; Montenegro, Patrinos, 2014; Psacharopoulos, Patrinos, 2018]. В них было выделено шесть практически универсальных эмпирических закономерностей: 1) повышение доли работников с третичным образованием не сопровождается падением доходности образовательных инвестиций, так как технологический прогресс, смещенный в пользу высококвалифицированной рабочей силы, активно стимулирует спрос на работников с подобным образованием; 2) как правило, самые высокие показатели отдачи демонстрируют страны с низкими и средними уровнями ду-

[2] Как показали Т. Дас и С. Полачек, для США оценки отдач от образования (то есть процентного прироста заработков при увеличении продолжительности образования на один год), полученные простым МНК, лежат в диапазоне от 5 до 15% [Das, Polachek, 2017]. Вместе с тем те же оценки, но полученные с использованием метода инструментирования, варьируются от 4 до 94%.

шевого ВВП; 3) оценки для женщин в среднем на 2 п.п. выше оценок для мужчин; 4) у занятых в частном секторе отдачи выше, чем у занятых в государственном секторе; 5) социальные отдачи от образования отрицательно связаны с уровнями экономического и образовательного развития различных стран; 6) в целом прослеживается тенденция к постепенному росту премий за высшее образование. Усредненные по всем странам оценки для одного дополнительного года обучения составляют в настоящее время около 10%, а для одного года высшего образования – около 15%, хотя в развитых странах последний показатель оказывается примерно в 1,5 раза ниже, колеблясь вокруг отметки 10% [Montenegro, Patrinos, 2014; Psacharopoulos, Patrinos, 2018].

На этом фоне Россия, где отдача от одного дополнительного года обучения оценивается в 5%, а от одного года высшего образования в 8%, действительно выглядит явным аутсайдером [Melianova et al., 2020]. Дело не только в крайне невысокой экономической ценности российского образования, но также и в том, что на протяжении полутора последних десятилетий она непрерывно снижалась, вернувшись в итоге к значениям, которые наблюдались в переходный период 1990-х годов. Отталкиваясь от этих результатов, эксперты Всемирного банка считают даже возможным говорить об «образовательном проклятии», тяготеющем над российской экономикой [Melianova et al., 2020]. Впервые выражение «российское образовательное проклятие» (в буквальном переводе – «проклятие образованного русского») использовали применительно к ситуации, сложившейся в переходные 1990-е годы, С. Чейдвассер и С. Бенитез-Силва [Cheidvasser, Benitez-Silva, 2007]. Однако, по мнению экспертов Всемирного банка, оно вполне приложимо и к нынешней ситуации. Речь идет о том, что в условиях растущего предложения рабочей силы с высокой образовательной подготовкой, которое безостановочно шло и в советский и в постсоветский период, экономическая ценность образования была, по сути, обречена оставаться сверхнизкой.

В результате аутсайдерство России в межстрановом контексте предстает как неизбежный продукт начавшегося с середины 1990-х годов образовательного бума, радикально перекроившего всю структуру российской рабочей силы. Так, по данным переписей населения, если в конце 1980-х годов высшее образование имел лишь каждый шестой российский работник, то в начале 2000-х годов – уже каждый четвертый (табл. 1). Если вначале среднее профессиональное образова-

ние было у каждого пятого, то позднее уже у каждого четвертого[3]. В последующие десятилетия процесс образовательного апгрейдинга получил дополнительное ускорение: согласно микропереписи 2015 г., во второй половине 2010-х годов уже около 40% (!) российских работников имели высшее образование (законченное или незаконченное) и примерно столько же среднее профессиональное. Лидировали в этом процессе женщины: в настоящее время по доле работников с высшим образованием они опережают мужчин более чем на 10 п.п. (44 против 32%). В то же время доля малообразованных работников (с основным общим образованием и ниже) упала ниже отметки 4%. Можно говорить о практически полном вымывании с российского рынка труда работников, не пошедших дальше обязательных девяти классов.

Таблица 1. Образовательная структура населения России по данным переписей 1989 и 2002 гг. и микропереписи 2015 г., по полу, %*

Группы по уровню образования	Все занятые			Мужчины			Женщины		
	1989	**2002**	**2015**	**1989**	**2002**	**2015**	**1989**	**2002**	**2015**
Высшее	14,6	23,3	34,6	13,8	21,1	29,0	15,4	25,6	40,3
Неполное высшее	1,3	3,0	2,8	1,9	2,9	3,0	2,3	3,1	2,7
Среднее профессиональное	24,3	35,7	34,7	18,6	31,8	34,2	28,8	39,8	35,4
Начальное профессиональное	17,8	15,3	9,8	22,1	18,1	12,1	13,0	12,2	7,3
Среднее (полное) общее	20,8	16,2	14,3	21,5	17,8	16,7	20	14,4	11,8
Основное общее	13,5	5,6	3,6	13,8	7,0	4,7	13,2	4,2	2,4
Начальное общее	6,7	0,9	0,2	7,3	1,2	0,2	6,1	0,6	0,1
Не имеют начального общего	1,1	0,1	0	1,0	0,1	0,1	1,2	0	0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100

* Население 15 лет и старше. Без учета лиц, не указавших уровень образования.

Источник: Росстат Российской Федерации.

[3] Для простоты вместо действующей номенклатуры типов образования, принятой в официальной статистике в настоящее время, мы используем более традиционную шкалу с выделением высшего профессионального (вузы), среднего профессионального (ссузы) и начального профессионального (ПТУ) образования.

В итоге выстраивается логичная и вполне правдоподобная картина, где образовательный бум выступает как причина, а падение отдач – как его естественное и неизбежное следствие. По сути, речь идет о массированном переинвестировании в человеческий капитал, которое, как утверждается, вечным «проклятием» лежит на российской экономике.

Но подтверждаются ли подобные представления эмпирически? Как уже отмечалось, до сих пор практически все свидетельства в их пользу исходили из одного источника, что едва ли достаточно, когда речь идет о такой большой и неоднородной стране, как Россия. Поэтому правильнее, наверное, было бы считать вопрос открытым, воздерживаясь (по крайней мере – пока) от вынесения окончательного вердикта.

Чтобы восполнить этот очевидный пробел, в следующих разделах мы попытаемся представить максимально широкий спектр оценок с использованием нескольких альтернативных баз данных. Как можно надеяться, такой «недискриминационный» подход позволит точнее понять и оценить, насколько эмпирически обоснован популярный сегодня среди исследователей тезис о сверхнизкой «окупаемости» российского образования.

Методология и данные

В современной практике измерение отдачи от вложений в человеческий капитал чаще всего осуществляется путем эконометрического оценивания «минцеровского» уравнения заработков, названного так в честь известного американского экономиста Дж. Минцера, который первым ввел его в научный анализ [Mincer, 1974]. Несмотря на известные ограничения, оценки отдач, получаемые с помощью минцеровского подхода, остаются наиболее популярным инструментом при изучении процессов накопления и использования человеческого капитала. В первом приближении они дают достаточно адекватное представление об экономической ценности вложений в образование. Для государства такие оценки служат важным ориентиром при выработке и принятии решений в области образовательной политики [Flabbi et al., 2008].

Известны две версии «канонического» минцеровского уравнения заработков: первая – для продолжительности образования, вторая – для его уровней.

В первом случае речь идет о спецификации следующего вида:

$$\ln W_i = a_0 + \alpha G_i + rS_i + \beta_1 exp_i + \beta_2 exp_i^2 + \varepsilon_i,$$

где W – величина заработков; G – пол; S – число лет обучения; exp – потенциальный опыт[4]; ε – случайная ошибка. Коэффициент r измеряет отдачу от образования, показывая, на сколько процентов в среднем возрастают заработки при увеличении продолжительности обучения на один год.

В способах формирования как объясняемой, так и объясняющей переменных из уравнения Минцера наблюдается значительный разброс [Лукьянова, 2010]. Так, показатель заработков может конструироваться в нескольких временных форматах – часовом, месячном или годовом. Теоретически наиболее корректным показателем являются годовые заработки, но наиболее употребительным на практике месячные. На протяжении календарного года оплата труда, как правило, сильно колеблется (достаточно хотя бы вспомнить о практике привязки выплаты бонусов и премий к строго определенным месяцам[5]). Кроме того, по самым разным причинам многим работникам приходится периодически трудиться либо неполное время (из-за отпусков, болезней и т.д.) либо, наоборот, сверхурочно, что неизбежно отражается на их текущей оплате. В результате оценки на месячных и часовых данных могут оказываться сильно зашумленными и заметно колебаться в зависимости от того, в каком календарном месяце проводилось обследование. С этой точки зрения годовые данные выглядят явно предпочтительнее, так как позволяют получать показатели, свободные от такого рода краткосрочных колебаний.

В результате, как показывает опыт, использование годовых заработков чаще всего приводит к более высоким оценкам отдач от образования по сравнению с месячными или часовыми [Лукьянова,

---

[4] Потенциальный опыт – это условная величина, рассчитываемая как текущий возраст минус нормативный возраст поступления в первый класс школы минус число лет полученного индивидом образования. Чаще всего исследователям приходится пользоваться этим показателем из-за отсутствия данных о фактическом трудовом стаже. Переменная потенциального опыта входит в уравнение заработков дважды – в простой и квадратичной форме, чтобы отразить колоколообразность (в виде перевернутой латинской буквы U) профиля заработков по мере накопления опыта.

[5] В частности, подобная практика широко распространена среди российских предприятий, так что, например, в декабре каждого года средняя заработная плата оказывается на 25–35% выше, чем в другие месяцы.

2010]. Стандартное объяснение этого эффекта состоит в том, что более высокая оплата работников с более значительными запасами человеческого капитала служит для них сильным стимулом к тому, чтобы работать дольше. Анализ на годовых данных позволяет учесть этот эффект, так что при их использовании оценки отдач оказываются выше, чем при использовании месячных или часовых данных.

Что касается продолжительности обучения, то она может определяться либо как фактическая (наблюдаемая), либо как ожидаемая (вмененная) величина, которую рассчитывают суммированием нормативного числа лет обучения на всех ступенях получаемого индивидами образования. И у того и у другого подхода есть свои недостатки. С одной стороны, фактический показатель завышает продолжительность обучения для тех, кто на длительное время прерывал учебу или уходил в академический отпуск, учился в нескольких учебных заведениях параллельно или получал образование в неочной форме[6]. С другой, вмененный показатель ее занижает, поскольку при его расчете не учитываются годы обучения в учебных заведениях промежуточных ступеней (когда, например, после окончания ссуза индивид закончил еще и вуз), годы повторного обучения в учебных заведениях одного и того же уровня (например, при получении индивидом двух и более дипломов разных вузов), а также годы незавершенного образования. Можно поэтому ожидать, что при использовании фактического числа лет обучения оценки отдач будут занижаться, тогда как при использовании вмененного – завышаться. Стоит также отметить, что попытки измерения фактической продолжительности образования единичны и на практике встречаются крайне редко. Имеющиеся для подавляющего большинства стран оценки получены с использованием вмененных, а не фактических данных о продолжительности образования.

Во второй версии минцеровского уравнения число лет обучения заменяется на уровни образования:

$$\ln W_i = a_0 + \alpha G_i + \rho_1 L_{1i} + \ldots + \rho_1 L_{Ni} + \beta_1 exp_i + \beta_2 exp_i^2 + \varepsilon_i,$$

[6] Еще один недостаток фактического показателя заключается в том, что в отличие от вмененного он не учитывает так называемого «эффекта корочек» (sheepskin effect), когда из двух индивидов, проучившихся, скажем, в вузе одинаковое число лет, первый, получивший диплом, оплачивается намного выше, чем второй, оставшийся без него.

где L_1, ..., L_N – дамми-переменные для N выделенных уровней образования. Коэффициенты ρ перед ними измеряют премии на разные уровни образования, показывая, на сколько процентов заработки работников с образованием того или иного уровня превосходят заработки работников референтной группы. (Обычно в качестве таковой выступают обладатели аттестатов о полном среднем образовании.) Разделив премии на нормативное число лет обучения в образовательных учреждениях каждого типа (скажем, разделив премию за высшее образование на четыре), можно перейти к оценкам отдач от одного дополнительного года обучения в учебных заведениях данного уровня.

По сравнению с оценками для продолжительности обучения оценки для уровней образования обладают тем важным преимуществом, что учитывают внутреннюю неоднородность накапливаемого человеческого капитала (когда, например, год обучения в вузе обеспечивает совершенно иную прибавку к заработкам, чем год обучения в ПТУ или ссузе). Кроме того, это позволяет обходить проблему вменения, возникающую при использовании показателя числа лет обучения (см. выше).

В своем анализе мы оценивали на всех доступных данных обе версии «канонического» минцеровского уравнения заработков, для чего использовался простой МНК. В целях экономии мы не будем приводить полного описания формальных статистических характеристик оцениваемых моделей. Отметим только, что во всех спецификациях при использовании всех баз данных коэффициенты перед переменными образования оказываются статистически значимыми на 1%-м уровне доверительной вероятности (единичные исключения обсуждаются ниже в соответствующих разделах)[7].

В табл. 2 суммированы сравнительные характеристики наиболее известных представительных российских обследований, позволяющих измерять «зарплатные» эффекты образования.

---

[7] Что качается переменой потенциального опыта, то во всех спецификациях при использовании всех баз данных коэффициенты перед ней имеют стандартные (теоретически ожидаемые) знаки: положительный для числа лет пребывания на рынке труда и отрицательный для квадрата их числа. Иными словами, для российских работников наблюдается обычная картина, когда по мере накопления опыта заработки увеличиваются, но затухающим темпом, так что их профили в зависимости от трудового стажа предстают в виде перевернутой латинской буквы U.

Таблица 2. Сравнительные характеристики основных регулярных выборочных обследований

Характеристики	**РМЭЗ ВШЭ**	**НОБУС**	**ОЗПП**	**ВНИСФВ**	**ВНДН**
Природа данных	Панель	Кросс-секция	Кросс-секция	Кросс-секция	Кросс-секция
Временной горизонт	2000–2019*	2003	2005; 2007; 2009; 2011; 2013; 2015; 2017; 2019	2014; 2019	2011; 2013; 2014; 2015; 2016; 2017; 2018**
Единицы наблюдения	Домашние хозяйства	Домашние хозяйства	Предприятия	Домашние хозяйства	Домашние хозяйства
Региональный охват	35 субъектов РФ	47 субъектов РФ	Все субъекты РФ	Все субъекты РФ	Все субъекты РФ
Число включенных в анализ наблюдений	От 4,1 тыс. до 9,2 тыс.	46,7 тыс.	От 681 тыс. до 880 тыс.	От 10,6 тыс. до 39,9 тыс.	От 48,5 тыс. до 162 тыс.
Число лет образования	Фактическое; вмененное	Вмененное	Вмененное	Вмененное	Вмененное
Выделение неполного высшего образования в качестве отдельного уровня	Нет	Да	2005–2011 гг. – да; 2013–2019 гг. – нет	Да	Да
Временной формат при измерении заработков	Месячный, основная работа	Месячный, основная работа	Месячный	Месячный, основная и дополнительная работа	Годовой, основная работа
Тип показателя заработков	Фактические за последние 30 дней; контрактные (среднемесячные) за последний год	Среднемесячные	Фактические (месячные) за октябрь каждого года	Среднемесячные	Фактические годовые

Характеристики	РМЭЗ ВШЭ	НОБУС	ОЗПП	ВНИСФВ	ВНДН
Вычет налогов	После вычета	До вычета	До вычета	После вычета	До и после вычета
Секторальный охват	Вся экономика	Вся экономика	Крупные и средние предприятия	Вся экономика	Вся экономика
Типы занятости	Все – для фактических заработков; только работающие на предприятиях –для контрактной заработной платы	Все	Только работающие по найму, отработавшие в течение октября полное рабочее время	Все	Все
Доступ	Публичный	Публичный	Непубличный	Публичный	Частично публичный

* В анализ не были включены данные четырех волн РМЭЗ ВШЭ за 1990-е годы.

** Приведены годы, к которым относятся данные соответствующих волн ВНДН. Реальный сбор информации производился на год позже указанных в таблице дат.

Как уже отмечалось, практически все исследования по российскому рынку труда, где оценивались отдачи от образования, были выполнены на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ ВШЭ). РМЭЗ представляет собой общенациональное лонгитюдное обследование домохозяйств и проводится один раз в год Исследовательским центром ЗАО «Демоскоп» совместно с Высшей школой экономики, Институтом социологии РАН, Институтом питания РАМН и Университетом Северной Каролины в Чепл Хилле (США)[8]. Исходная выборка составляет около 5 тыс. жилищ-домохозяйств, расположенных в 160 населенных пунктах в 35 субъектах Российской Федерации. Выборка

[8] https://www.hse.ru/rlms/spss

построена таким образом, что результаты обследования являются репрезентативными по России в целом.

Сильные стороны РМЭЗ хорошо известны. Это панельное обследование, которое позволяет отслеживать поведение одних и тех же индивидов во времени. Оно регулярно (ежегодно) проводится на протяжении уже более двух десятилетий, что намного превосходит временной горизонт любых других обследований. РМЭЗ аккумулирует огромный массив информации о различных аспектах поведения российских домохозяйств, значительно превосходя альтернативные источники по широте и детализированности получаемых сведений. Это также единственный источник, где респондентам задаются прямые вопросы о фактическом количестве лет обучения на каждой ступени образования. (Как уже отмечалось, в других странах данные о фактической продолжительности образования также собираются крайне редко). В отличие от многих других обследований в рамках РМЭЗ респонденты сообщают о своих «чистых» заработках, то есть уже после вычета налогов. Правда, поскольку до недавнего времени в России использовалась плоская шкала подоходного налога, это не имело существенного значения. (Точнее – имело, но только для самозанятых.) Наконец, данные РМЭЗ находятся в публичном доступе, чем в первую очередь и объясняется их абсолютное доминирование в исследованиях по российскому рынку труда.

В то же время выборка РМЭЗ достаточно невелика по размеру, в несколько раз уступая по количеству наблюдений альтернативным обследованиям, а также имеет достаточно ограниченный региональный охват, что чревато возможными смещениями в получаемых результатах. Как и в большинстве других российских баз данных, показатели заработков определяются в РМЭЗ в месячном формате, что делает их подверженными случайным краткосрочным колебаниям. Еще одна проблема связана с тем, что в РМЭЗ номенклатура уровней образования отклоняется от традиционной, так как в ней не выделяется отдельно неполное высшее образование. Как следствие, большинство обладателей неполного высшего образования попадают в одну группу с обладателями полного среднего образования, но, как показывает опыт, первые зарабатывают в среднем намного больше, чем вторые. В результате заработки референтной группы, с которыми сравниваются заработки всех остальных групп, оказыва-

ются выше, из-за чего премии за высшее и среднее профессиональное образование могут занижаться.

Национальное обследование бюджетов домашних хозяйств и участия в социальных программах (НОБУС) было проведено Росстатом при поддержке Всемирного банка однократно в 2003 г.[9] Его главной целью являлось измерение эффективности национальных программ социальной помощи через оценку влияния социальных льгот и привилегий на благосостояние домохозяйства. Выборка включала около 44,5 тыс. домохозяйств с охватом 47 субъектов Российской Федерации, в которых проживало свыше 70% населения страны. Для независимых исследователей доступ к данным этого обследования является открытым. Для наших задач НОБУС представляет интерес прежде всего потому, что это единственное альтернативное обследование (помимо РМЭЗ), относящееся к первой половине 2000-х годов.

Обследования заработной платы по профессиям (ОЗПП) Росстата проводятся один раз в два года начиная с 2005 г.[10] В общей сложности данные имеются за период 2005–2019 гг.; отчетным периодом служит октябрь. ОЗПП обладают целым рядом преимуществ. Во-первых, по временному горизонту они не намного уступают РМЭЗ. Во-вторых, это самое крупное из всех имеющихся обследований, включающее информацию о 750–800 тыс. работников во всех субъектах Российской Федерации. В-третьих, это единственное российское обследование, где данные собираются из кадровой и бухгалтерской отчетности предприятий, а не путем опроса работников. Это позволяет исключить ошибки, связанные с неполной осведомленностью респондентов о форме собственности и других параметрах предприятий, неверным припоминанием или сознательным искажением данных о персональных характеристиках и начисленной заработной плате.

Выборка ОЗПП ограничена только традиционным корпоративным сектором – крупными и средними предприятиями и организациями. (В настоящее время на его долю приходится примерно 40% всех занятых в российской экономике.) Суммарная численность ра-

---

[9] https://www.hse.ru/org/hse/4432173/mathbase/databases/db_32

[10] Подробнее о методологии ОЗПП см.: Методологические положения по статистике. (2006). М.: Росстат. Вып. 5 (раздел «Методологические положения выборочного статистического наблюдения за уровнем заработной платы работников по полу, возрасту, образованию и профессиональным группам»).

ботников обследуемых предприятий составляет около 80% от общей численности занятых на крупных и средних предприятиях соответствующих отраслей. Выборка формируется на базе работников списочного состава (в том числе временных и сезонных), но при этом исключаются совместители из других предприятий и работники, занятые по договорам гражданско-правового характера, а также первые лица организаций и те, кто по тем или иным причинам отработал в октябре неполное время.

В то же время, как уже упоминалось, выборку ОЗПП отличает достаточно узкий отраслевой и секторальный охват. Она не включает субъектов малого предпринимательства (с численностью занятых менее 15 человек), а также некорпоративный (неформальный) сектор – самозанятых, занятых у индивидуальных предпринимателей, занятых по найму у физических лиц и т.д. С учетом того, что на протяжении последних десятилетий доля крупных и средних предприятий в общей численности занятых в России непрерывно снижалась, это достаточно серьезное ограничение. Кроме того, в круг обследуемых отраслей не входят финансовая деятельность и государственное управление (в первых волнах ОЗПП исключались также рыболовство, сельское и лесное хозяйство). Вопрос о том, в какой мере оценки для специфического сегмента занятости, попадающего в поле зрения этих обследований, можно распространять на всю российскую экономику, следует считать открытым. Наконец, доступ к данным ОЗПП не является публичным, с чем связано крайне небольшое число исследований, выполненных на их основе.

Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением (ВНИСФВ) проводится Росстатом один раз в пять лет начиная с 2014 г. во всех субъектах Российской Федерации с охватом примерно 10 тыс. домохозяйств[11]. Основной целью наблюдения является получение статистической информации, характеризующей использование населением суточного фонда времени по конкретным видам деятельности и выявление причин, ограничивающих возможности активной трудовой жизни, воспитания и развития детей, в обеспечении здорового образа жизни. Однако поскольку в рамках ВНИСФВ собираются также данные о заработной плате и отработанном времени, это позволяет оценивать на его данных минце-

[11] https://gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html

ровское уравнение заработков и определять отдачу от образования. В настоящее время доступны данные двух волн ВНИСФВ – за 2014 и 2019 гг.

Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН) Росстата представляет собой специализированное обследование, направленное на максимально полное и детализированное измерение доходов российских домохозяйств[12]. Его главной целью является получение информации, отражающей роль оплаты труда, доходов от самостоятельной занятости и от собственности, пенсий и социальных пособий в обеспечении материального благосостояния семей, тенденции в изменении уровня дифференциации доходов и уровня бедности среди различных социально-экономических слоев населения. ВНДН проводится ежегодно начиная с 2012 г. во всех регионах Российской Федерации. Отчетным периодом служит календарный год, предшествующий году проведения опроса. Размер выборки ВНДН постепенно увеличивался, достигнув к настоящему времени 60 тыс. домохозяйств. Кроме того, с периодичностью один раз в пять лет обследования проводятся по расширенной выборке из 160 тыс. домохозяйств. Данные ВНДН доступны за период 2011–2018 гг.

Формат данных ВНДН обеспечивает, по-видимому, наибольшую точность измерения доходов от трудовой деятельности индивидов, а значит, и экономической ценности полученного ими образования. Во-первых, это обследование является самым крупным после ОЗПП, причем в отличие от них оно охватывает все сектора экономики и все типы занятости. Во-вторых, как и РМЭЗ, ВНДН проводятся ежегодно. В-третьих, это единственное российское обследование, где информация о заработках собирается не в месячном, а в годовом формате. С учетом высокой волатильности текущих заработков, характерной для российского рынка труда, это существенное преимущество (см. выше). В-четвертых, ВНДН аккумулирует наиболее детальную и разностороннюю информацию о различных видах и формах дохода от трудовой деятельности. Доходы оцениваются отдельно для самозанятых и для работающих по найму; как до, так и после уплаты налогов[13]. Учитываются различные дополнительные элемен-

[12] https://gks.ru/free_doc/new_site/USP/survey0/index.html

[13] Термин самозанятые здесь и далее используется в широком смысле для обозначения всех работающих не по найму.

ты вознаграждения за труд, в том числе «незарплатного» характера, – надбавки, доплаты, разовые премии, материальная помощь, стоимость полученных за счет работодателя (полностью или частично) товаров и услуг (питания, проездных документов, мобильной связи, медицинских услуг, полисов добровольного страхования, спортивных мероприятий и т.д.), а также предоставление работодателем бесплатно или по сниженным ценам служебного транспорта, помещений, оборудования и др.

Очевидный недостаток ВНДН – достаточно поздний старт, вследствие чего оно ничего не может сказать о динамике отдач от образования в 2000-е годы. Доступ к микроданным этих обследований открыт лишь частично, что ограничивает возможности их использования независимыми исследователями.

Как средние показатели заработной платы по данным включенных в наш анализ обследований соотносятся с официальными оценками Росстата? В двух случаях – ОЗПП и ВНДН – расхождения оказываются минимальными, не выходя за пределы ± 5–10%. В начале 2000-х годов оценки РМЭЗ также были достаточно близки к официальным, составляя от них порядка 90%. Однако затем соотношение между ними пошло резко вниз, упав к концу 2010-х годов до 75% (с корректировкой на величину подоходного налога). По-видимому, еще сильнее было смещено в сторону низкооплачиваемой занятости НОБУС, у которого отставание от официальной заработной платы достигало 40%. У ВНИСФВ такое отставание оказывается приблизительно того же порядка, что у РМЭЗ, – 10–20%. С этой точки зрения, похоже, предпочтительнее выглядят данные ОЗПП и ВНДН.

В табл. 3 представлены данные всех используемых обследований об образовательной структуре занятого населения за различные годы. В целом из них вырисовывается примерно та же картина, что из результатов переписей населения (см. табл. 1). Нельзя, однако, не отметить ряд отклонений. РМЭЗ, похоже, недооценивает долю работников со средним профессиональным образованием, но переоценивает доли работников с начальным профессиональным образованием, а также с основным образованием и ниже. ОЗПП тоже недооценивают долю работников со средним профессиональным образованием (что может объясняться спецификой структуры занятости в сегменте крупных и средних предприятий). Наконец, ВНИСФВ и ВНДН, по-видимому, переоценивают, причем значительно, долю

работников, имеющих высшее образование. Однако едва ли все эти отклонения настолько велики, чтобы сильно искажать получаемые оценки отдач от образования.

Таблица 3. Распределение занятых по уровням образования: РМЭЗ ВШЭ, НОБУС, ОЗПП, ВНИСФВ и ВНДН Росстата, %

Год	Уровни образования							
	Высшее	Неполное высшее	Среднее профессиональное	Начальное профессиональное	Полное среднее	Основное	Нет основного	Всего
	РМЭЗ ВШЭ							
2000	21,8	–	25,6	25,5	20,2	6,3	0,7	100
2005	24,6	–	24,3	25,9	19,4	5,6	0,2	100
2010	30,4	–	25,0	22,2	15,4	6,7	0,3	100
2015	34,1	–	23,1	20,5	15,5	6,5	0,2	100
2019	35,2	–	24,7	20,3	13,0	6,8	0,1	100
				НОБУС*				
2003	23,2	4,1	33,1	12,3	19,6	6,7	1,0	100
				ОЗПП*				
2005	27,7	2,5	28,8	11,1	24,0	4,1	1,7	100
2011	35,1	2,9	27,3	11,8	19,5	2,9	0,6	100
2017	39,1	–	27,0	12,9	16,6	3,7	0,7	100
				ВНИСФВ				
2014	39,4	3,3	31,8	11,1	12,1	2,0	0,3	100
2019*	43,3	1,9	35,1	9,1	8,9	1,7	0,0	100
				ВНДН*				
2011	39,3	1,9	24,5	17,2	13,9	3,0	0,1	100
2018	48,2	1,3	31,0	9,1	8,5	1,8	0,1	100

* Взвешенные данные.

Источник: рассчитано автором по данным РМЭЗ ВШЭ и НОБУС, а также ОЗПП, ВНИСФВ и ВНДН Росстата.

РМЭЗ ВШЭ

Мы начинаем анализ с РМЭЗ ВШЭ как главного и наиболее популярного источника микроданных по российскому рынку труда. Анкета РМЭЗ содержит широкий блок вопросов, описывающих как образовательное, так и трудовое поведение индивидов, что дает возможность оценивать отдачи от образования в нескольких различных форматах.

Во-первых, она включает два вопроса о доходах от трудовой деятельности на основной работе – вопрос j10 о сумме денег, полученной на руки по основному месту работы за последние 30 дней (будем называть этот показатель фактическим), и вопрос j13.2 о среднемесячной заработной плате по основному месту работы в течение последнего года (будем называть этот показатель контрактным). Первый вопрос задается всем респондентам, второй – только работающим на предприятиях, то есть самозанятые и занятые в неформальном секторе исключаются. Совмещая ответы респондентов на вопросы j10 и j13.2, можно получить более широкий – комбинированный – показатель, максимально полно учитывающий информацию, содержащуюся в базе данных РМЭЗ.

Во-вторых, информация об отработанном времени также собирается в РМЭЗ в двух вариантах – о фактическом количестве часов, отработанных на основной работе за последние 30 дней (j8), и об обычной продолжительности рабочей недели на основной работе (j6.2). Соответственно при оценивании минцеровского уравнения заработков зависимую переменную можно конструировать исходя как из месячных, так и из часовых заработков. (Иными словами, как с учетом, так и без учета количества отработанных часов.)

В-третьих, как уже отмечалось, РМЭЗ – единственное российское исследование, где собираются данные о фактической продолжительности полученного респондентами образования. Отсюда возможность выбора между двумя альтернативными версиями показателя числа лет обучения – фактическим и вмененным.

В качестве базовой мы используем спецификацию минцеровского уравнения, в которой зависимой переменной выступает логарифм часовых комбинированных заработков, а независимой – вмененное число образования, и в которой не вводится никаких ограничений по возрасту. Такой выбор объясняется несколькими соображениями.

Как уже отмечалось, комбинированный показатель заработков позволяет учитывать информацию о трудовых доходах для максимально большого числа респондентов. Использование показателя часовых заработков дает возможность контролировать вариацию в продолжительности отработанного времени. Аргумент в пользу вмененного числа лет образования является чисто инструментальным: таким образом обеспечивается сопоставимость оценок на базе РМЭЗ с оценками на базе альтернативных российских обследований, а также с оценками для большинства других стран. В базовой спецификации мы не накладываем никаких ограничений по возрасту из-за отсутствия каких-либо теоретических оснований в пользу их введения (строго говоря, нас вообще должны были бы интересовать различия в *пожизненных* заработках между группами с разной образовательной подготовкой).

Помимо базовой мы оцениваем еще пять спецификаций, где вместо часовых заработков используем месячные, вместо часовых комбинированных заработков – часовые фактические и часовые контрактные, вместо вмененной продолжительности образования – фактическую, а также накладываем ограничения по возрасту, формируя подвыборку из индивидов 25–64 года[14]. Результаты оценивания по всем шести спецификациям минцеровского уравнения для полной выборки представлены в табл. 4, а в табл. П1 и П2 Приложения приводятся результаты отдельно для подвыборок мужчин и женщин. Для полноты картины мы дополнительно включили в табл. 4 оценки, полученные группой экспертов Всемирного банка под руководством Г. Патриноса [Melianova et al., 2020].

Результаты, получаемые для альтернативных спецификаций минцеровского уравнения заработков, практически полностью совпадают с выводами из метаанализа А. Лукьяновой [Лукьянова, 2010].

Замена часовых фактических заработков на часовую контрактную заработную плату ведет к увеличению отдачи от образования примерно на 0,3 п.п., а замена их комбинированным показателем – примерно на 0,2 п.п. Переход от фактического к вмененному числу лет обучения сопровождается повышением отдачи на 2,1 п.п., что совпадает с результатом, полученным ранее А. Лукьяновой [Лукьянова,

[14] Введение именно таких возрастных ограничений обусловлено тем, что они использовались в упоминавшемся исследовании экспертов Всемирного банка [Melianova et al., 2020].

Таблица 4. Альтернативные оценки отдачи от образования, РМЭЗ ВШЭ, 2000–2019 гг., %

Год / номер спецификации	Лог часового фактического заработка; фактическое число лет образования	Лог часовой контрактной заработной платы; фактическое число лет образования	Лог часового комбинированного заработка; фактическое число лет образования	Лог часового комбинированного заработка; вмененное число лет образования	Лог месячного комбинированного заработка; вмененное число лет образования	Лог часового комбинированного заработка; вмененное число лет образования; 25–64 года	Всемирный банк
	1	2	3	4 (базовая)	5	6	7
2000	8,6	9,0	9,3	11,6	10,3	12,3	8,4
2001	6,9	8,1	8,5	10,2	9,4	10,5	9,1
2002	7,9	8,4	8,6	11,6	10,9	11,9	9,1
2003	9,4	9,0	9,5	11,9	11,3	12,5	9,1
2004	8,1	8,4	8,5	11,0	10,0	11,7	8,5
2005	8,2	8,1	8,4	11,6	10,5	11,6	8,1
2006	8,0	8,7	8,4	10,4	9,8	11,1	8,1
2007	8,0	8,0	8,1	10,1	8,8	10,5	6,4
2008	7,9	8,2	8,0	10,1	9,4	10,8	7,9
2009	7,9	8,1	8,0	10,1	9,4	10,8	7,5
2010	7,6	7,8	7,7	9,9	8,8	10,5	7,0
2011	7,4	7,9	7,6	9,6	8,4	9,9	6,6
2012	7,4	7,1	7,4	9,4	8,4	9,8	6,1
2013	7,5	7,6	7,6	9,6	8,6	10,2	6,5
2014	7,4	7,8	7,5	9,6	8,5	9,9	6,8
2015	6,8	7,0	6,8	8,7	8,0	8,9	5,7
2016	6,9	7,4	7,0	8,9	8,0	9,2	6,1
2017	6,5	7,0	6,6	8,2	7,1	8,5	5,3
2018	6,8	6,7	6,7	8,3	7,0	8,6	5,4
2019	6,6	6,8	6,6	8,1	7,2	8,7	–

Источник: рассчитано автором по данным РМЭЗ ВШЭ.

2010]. Наложение ограничений по возрасту увеличивает оценки примерно на 0,5 п.п. Наконец, замена часовых заработков на месячные приводит к снижению показателей отдачи примерно на 1 п.п. Отсюда следует, что в отличие от большинства других стран в России дольше трудятся работники не с более высоким, а с более низким образованием[15]. Исходя из результатов, получаемых при оценивании альтернативных спецификаций, можно сделать вывод о том, что в настоящее время на российском рынке труда дополнительный год образования обеспечивает прибавку в заработках в интервале 6,6–8,7%. Наша базовая оценка для 2019 г. – 8,1%. По международным меркам это, конечно, не много, но все же не столь драматично, как следует из расчетов группы Патриноса.

Действительно, как видно из табл. 4, самыми низкими из представленных в ней оценок оказываются оценки экспертов Всемирного банка, что объясняется несколькими процедурными причинами. Во-первых, они не контролировали различия в отработанном времени, так как использовали месячные, а не часовые показатели заработной платы (контрактной). Во-вторых, они вводили чрезвычайно дробную схему вменения лет обучения из 15 позиций, что намного больше, чем в стандартной схеме, включающей не более 6–7 позиций[16]. По нашим оценкам, это снижает показатели отдач в среднем на 0,4 п.п. Но самое главное заключается в том, что исходя из методологических принципов формирования международной базы данных для отдачи от образования, изложенных в работе [Psacharopoulos, Patrinos, 2004], они не включали в число регрессоров переменную пола. Как известно, в России женщины, с одной стороны, имеют намного более высокое образование, чем мужчины, но, с другой, зарабатывают намного меньше, чем они. Как следствие, при исключении переменной пола оценки отдач снижаются как минимум на 1,5 п.п.

На протяжении всего периода наблюдений показатели для женщин заметно превосходили показатели для мужчин, в чем, впрочем, нет ничего необычного или трудно объяснимого, поскольку аналогичная ситуация наблюдается также в подавляющем большинстве

---

[15] Этот феномен уже отмечался раньше другими исследователями (см.: [Лукьянова, 2010]).

[16] Это делает их оценки для России не вполне сопоставимыми с оценками для других стран, для которых в большинстве случаев используется намного менее дробная схема перевода уровней образования в число лет обучения.

других стран [Dougherty, 2003; Psacharopoulos, Patrinos, 2018]. Гендерный разрыв в пользу женщин был устойчив во времени и фиксируется во всех спецификациях. В среднем продление обучения на один год обеспечивает женщинам относительный прирост в заработках на 1,5–2 п.п. больше, чем мужчинам (табл. П1 и П2).

Все варианты наших расчетов рисуют практически идентичную картину изменения во времени экономической ценности образования. Согласно всем спецификациям, отдача от образования достигла пика в первой половине 2000-х годов, после чего начала последовательно снижаться. Каждое пятилетие она теряла по 1–1,5 п.п., так что для базовой спецификации кумулятивное снижение после достижения пиковых значений в 2003 г. составило около 4 п.п. С уровня 9–12% в начале рассматриваемого периода она опустилась до уровня 6,5–8,5% в настоящее время, сократившись приблизительно на треть. В этом ключевом пункте наши результаты не расходятся с результатами экспертов Всемирного банка: оценки, получаемые на данных РМЭЗ, фиксируют четко выраженный тренд к нарастающей девальвации экономической ценности человеческого капитала в России.

О том же говорят оценки премий за различные уровни образования, получаемые при использовании второй версии «канонического» минцеровского уравнения заработков. На рис. 1 представлена динамика премий за высшее образование на протяжении 2000–2019 гг. Согласно этим оценкам, в первой половине 2000-х годов выпускники вузов зарабатывали примерно на 70–80% больше, чем выпускники полной средней школы; во второй половине 2000-х годов их выигрыш сократился до 55–60%, а к настоящему времени упал еще сильнее до примерно 45%. Хотя наши оценки отдачи от одного года обучения в вузе (11% = 45% / 4) оказываются выше аналогичных оценок экспертов Всемирного банка (8%), объясняется это преимущественно процедурными расхождениями, которые обсуждались ранее.

Несмотря на то, что по охвату высшим образованием женщины значительно опережали мужчин, от его получения они выигрывали значительно больше (в относительном выражении), чем мужчины. В среднем за весь рассматриваемый период премии за высшее образование составляли у них около 65%, тогда как у мужчин едва превышали 50%. Вместе с тем данные РМЭЗ свидетельствуют о постепенном размывании этого преимущества: если в середине в 2000-х годов

по величине премий за высшее образование женщины были впереди мужчин более чем на 15 п.п., то в настоящее время уже менее чем на 10 п.п.

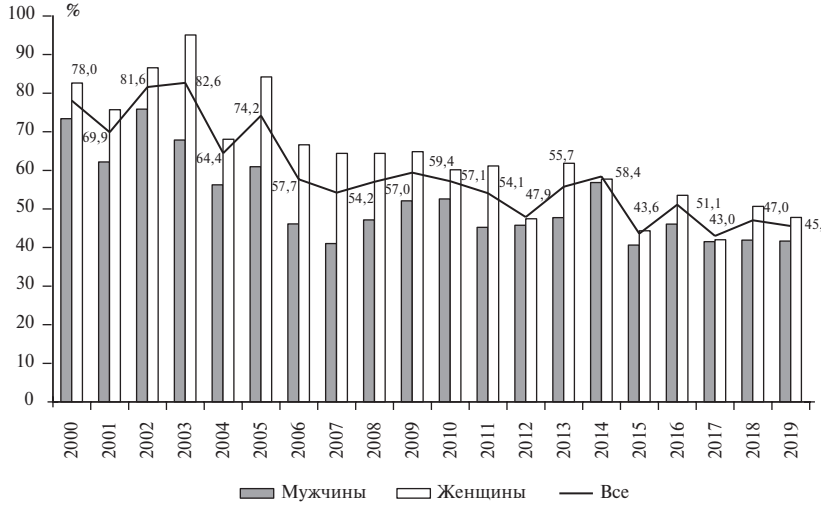

Рис. 1. Динамика премий за высшее образование, РМЭЗ ВШЭ, по полу, 2000–2019 гг., %

Источник: рассчитано автором по данным РМЭЗ ВШЭ.

Как мы отмечали ранее, в базе РМЭЗ обладатели неполного высшего образования не выделяются в отдельную группу, что теоретически чревато получением заниженных оценок. Поэтому дополнительно мы оценивали спецификацию минцеровского уравнения заработков для скорректированной номенклатуры уровней образования с добавлением в нее неполного высшего образования. В эту группу включались лица, проучившиеся в вузах не менее трех лет, но не получившие диплома. Как показывает анализ, это действительно приводит к повышению премий за высшее образование, хотя и не слишком значительному – примерно на 7 п.п. (Приложение, рис. П1).

Что касается премий за среднее профессиональное образование, то они, как и премии за высшее образование, демонстрировали явные признаки снижения. По данным РМЭЗ, за последние пятнадцать лет они упали примерно вдвое – с 15–25% в первой половине

2000-х годов до 7–10% в настоящее время. Интересно, что в случае среднего профессионального образования, по-видимому, есть основания говорить об обратной гендерной асимметрии: в относительном выражении мужчины выигрывают от его получения, по данным РМЭЗ, больше, чем женщины (на 5–10 п.п.). Следует также отметить, что с начала 2010-х годов во многих волнах РМЭЗ оценки премий за среднее профессиональное образование оказываются статистически незначимыми (особенно часто – для женщин). Этот результат допускает две возможных интерпретации. Либо для некоторых лет данные РМЭЗ не позволяют адекватно оценивать премии за среднее профессиональное образование, либо премии за него снизились уже настолько сильно, что стали неотличимыми от нуля. (Напомним, что отталкиваясь как раз от оценок по РМЭЗ, некоторые российские исследователи делают вывод о бессмысленности в настоящее время вложений в среднее профессиональное образование.)

Итак, и динамика отдач от образования, и динамика премий за высшее и среднее профессиональное образование свидетельствуют о том, что образовательный бум последних десятилетий не прошел для рынка труда бесследно и что экономическая ценность вложений в человеческий капитал действительно заметно упала. Этот негативный тренд мог быть связан с действием нескольких факторов.

Во-первых, возросшая конкуренция среди работников с высокими уровнями образования при ограниченном спросе на их труд могла привести к существенному снижению получаемых ими заработков. Во-вторых, в условиях образовательного бума качество обучения в вузах и ссузах могло резко ухудшиться. (Одним из свидетельств этого можно считать возросшую долю студентов, получающих неочное образование или совмещающих очное образование с полноценной трудовой активностью.) В-третьих, образовательная экспансия могла сильно понизить порог входа, сделав высокое образование легко доступным для индивидов со слабой подготовкой и плохими способностями. (Об этом, в частности, говорят низкие баллы по ЕГЭ у многих поступающих в вузы.) Эти три механизма могли действовать параллельно, сокращая отдачу от образования.

Однако все приведенные объяснения – это не более чем предположения, вполне правдоподобные теоретически, но не обязательно корректные эмпирически. Так, если спрос на работников с высокими уровнями образования рос примерно теми же темпами, что и их

предложение, то это должно было предохранять показатели отдачи от резкого снижения. (Есть достаточно весомые основания полагать, что события на российском рынке труда развивались именно по такому сценарию: [Капелюшников, 2010; Telezhkina, Maksimov, 2020].)

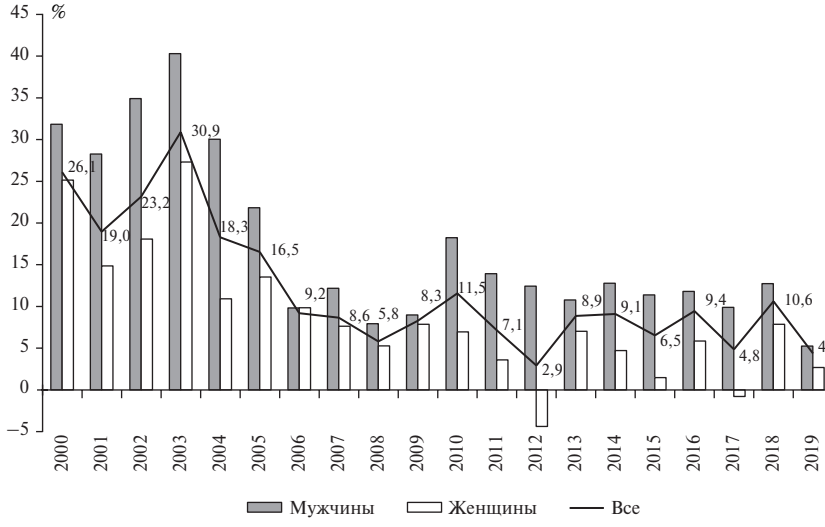

Рис. 2. Динамика премий за среднее профессиональное образование, РМЭЗ ВШЭ, по полу, 2000–2019 гг., %

Источник: рассчитано автором по данным РМЭЗ ВШЭ.

Нужно также учитывать, что отдачи – это не абсолютный, а относительный показатель. Скажем, ссылка на ухудшение качества обучения будет работать только в том случае, если это ухудшение коснулось только верхних этажей образовательной системы, не затронув (или затронув намного слабее) нижние. Если же оно примерно в равной степени распространялось на все ее ступени, так что разрыв в уровнях потенциальной производительности между получателями высокого и низкого образования почти не менялся, то тогда нет причин ожидать какого-либо «провала» в отдачах от образования.

Сходным образом обстоит дело с предполагаемым массовым притоком на верхние этажи образовательной системы индивидов с худшими способностями. Предположим, что контингент потенциаль-

ных студентов вузов распадается на три приблизительно равные группы – с низкими, средними и высокими способностями, и что сначала в вузы поступали только те, у кого они были высокими, но теперь туда начали проникать также и те, у кого они являются средними. Будет ли это сопровождаться снижением среднего уровня потенциальной производительности у выпускников вузов? Несомненно. Но одновременно это должно вести к его снижению у тех, кто ограничивается получением полного среднего образования, – из-за вымывания из их состава лиц со средними способностями. В результате соотношение между уровнями производительности, а значит, и заработками обладателей высшего и среднего образования могло не поменяться или даже возрасти[17].

В конечном счете вопрос о величине и динамике отдач от образования является эмпирическим и именно так к нему следует подходить. В следующем разделе мы попытаемся ответить на него, представив эмпирические оценки, получаемые при обращении к альтернативным источникам микроданных по российскому рынку труда.

Альтернативные обследования

В какой мере показания РМЭЗ согласуются с показаниями других регулярных представительных обследований? Насколько малы или велики расхождения между ними и как эти расхождения следует интерпретировать? Подтверждается ли альтернативными оценками тезис об аномально низкой «окупаемости» образования в России в настоящее время?

НОБУС. НОБУС – единственное выборочное обследование помимо РМЭЗ, дающее представление о ситуации на российском рынке труда в первой половине 2000-х годов. Для большей наглядности на рис. 3 представлены параллельные оценки по обоим источникам, относящиеся к 2003 г. – дате проведения НОБУС. Мы видим, что отдачи по НОБУС и по РМЭЗ (в базовой спецификации) практически не отличаются, составляя в обоих случаях 12%. Аналогично выглядит

[17] Кроме того, территориальная экспансия высшего образования могла сделать его доступным лицам с высокими способностями, для которых территориальная удаленность вузов служила раньше препятствием к поступлению в них [Belskaya et al., 2014].

ситуация с премиями за высшее образование: и НОБУС и РМЭЗ говорят о том, что в 2003 г. она достигала 82–83% (рис. 4). Что касается премий за среднее профессиональное образование, то оценки по РМЭЗ оказываются даже немного выше оценок по НОБУС – 30% против 25%, хотя и в этом случае различия минимальны. Таким образом, показания обоих источников взаимно подкрепляют друг друга, свидетельствуя, что в первой половине 2000-х годов инвестиции в образование действительно давали солидный экономический выигрыш.

ОЗПП. Когда мы обращаемся к данным ОЗПП, то обнаруживаем, что в течение периода, который они охватывают, – с 2005 по 2017 г., отдача от образования практически не менялась, удерживаясь на отметке 10–10,5% (рис. 5)[18]. Хотя это не намного (примерно на 0,5 п.п.) превосходит усредненные оценки по РМЭЗ (в базовой спецификации) за тот же подпериод, в данных ОЗПП не просматривается какого-либо устойчивого понижательного тренда. В 2017 г. (последнем, за который мы располагаем данными ОЗПП) разрыв между показаниями этих источников достигал уже около 2,5 п.п. в пользу ОЗПП.

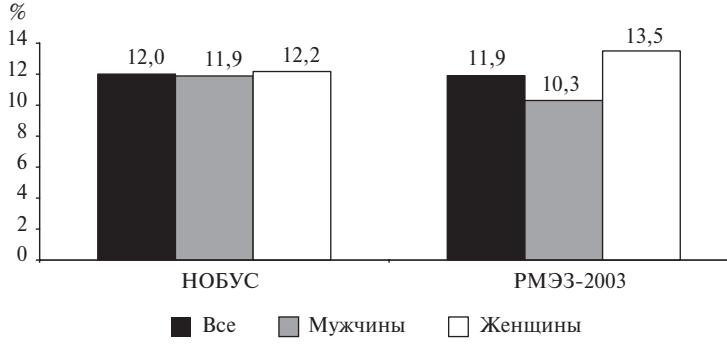

Рис. 3. Отдачи от образования, НОБУС и РМЭЗ ВШЭ, по полу, 2003 г., %

Источник: рассчитано автором по данным НОБУС и РМЭЗ ВШЭ.

[18] Мы экспериментировали как с часовыми, так и с месячными заработками, но оба подхода дают практически идентичные результаты. Это неудивительно, если учесть, что в выборку ОЗПП входят только работники, отработавшие в обследуемом месяце полное время.

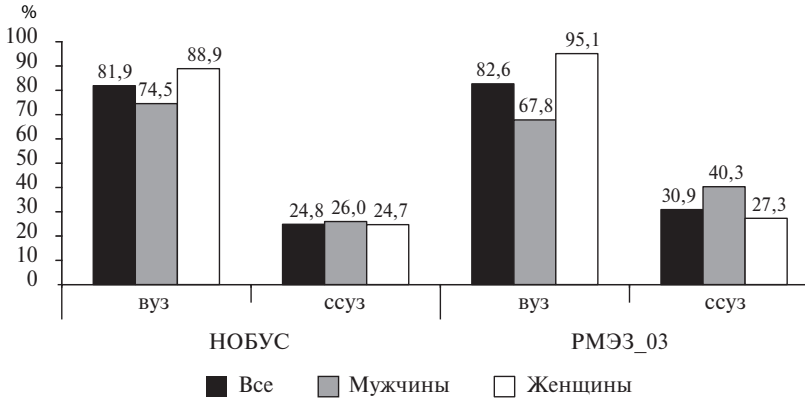

Рис. 4. Премии за высшее и среднее профессиональное образование, НОБУС и РМЭЗ ВШЭ, по полу, 2003 г., %

Источник: рассчитано автором по данным НОБУС и РМЭЗ ВШЭ.

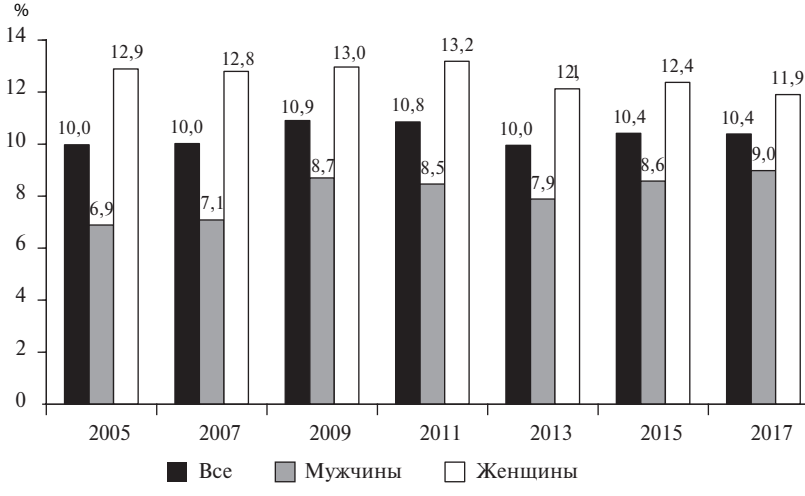

Рис. 5. Динамика отдач от образования, ОЗПП Росстата, по полу, 2005–2017 гг., %

Источник: рассчитано автором по данным ОЗПП Росстата.

Оценки по ОЗПП подтверждают существование на российском рынке труда сильной гендерной асимметрии в пользу женщин, отдача у которых в 1,5–2 раза превышает отдачу у мужчин: 12–13% против 7–9%. Разрыв оказывается даже больше того, что фиксируют данные РМЭЗ. Дело в том, что в российской экономике значительная часть работников-мужчин с невысокими уровнями образования концентрируется на рабочих местах с тяжелыми и вредными условиями, а также находящихся в зонах с неблагоприятным климатом. Компенсация, которую они получают за эти неблагоприятные факторы, сокращает их отставание в заработках от работников-мужчин с высокими уровнями образования (а нередко даже выводит их вперед). Отсюда – более низкие отдачи от образования для мужчин по сравнению с женщинами, для которых аналогичный эффект если и существует, то в гораздо более слабой форме[19].

Согласно ОЗПП, с середины 2000-х годов ситуация с премиями за высшее и среднее профессиональное образование также оставалась на удивление стабильной. Заработки работников с высшим образованием превышали заработки работников с полным средним образованием на 70–75%, тогда как для работников со средним профессиональным образованием это превышение составляло 10–15%. Женщины выигрывали от окончания вузов и ссузов намного больше, чем мужчины: гендерный разрыв для обладателей высшего образования достигал 50 п.п. (!), а для обладателей среднего профессионального образования 15–25 п.п.

Премии за высшее образование по ОЗПП существенно превосходили аналогичные оценки по РМЭЗ и, что еще важнее, к концу 2010-х годов они оставались такими же высокими, какими были в середине 2000-х. Иными словами, ничто не указывает на резкую девальвацию экономической ценности вузовских дипломов. Выше отмечалось, что при использовании данных РМЭЗ оценки премий за среднее профессиональное образование оказываются для многих лет статистически незначимыми и что некоторые исследователи интерпретируют это как свидетельство того, что обучение в ссузах превратилось уже в экономически бессмысленное занятие, так что поступающие в них студенты действуют себе в убыток. Однако об оценках,

[19] Этим же, по-видимому, объясняются низкие премии за среднее профессиональное образование (по данным ОЗПП) для мужчин (рис. 7.)

получаемых на данных ОЗПП, такого сказать нельзя: из них следует, что выигрыш от получения среднего профессионального образования по-прежнему остается далеко не нулевым.

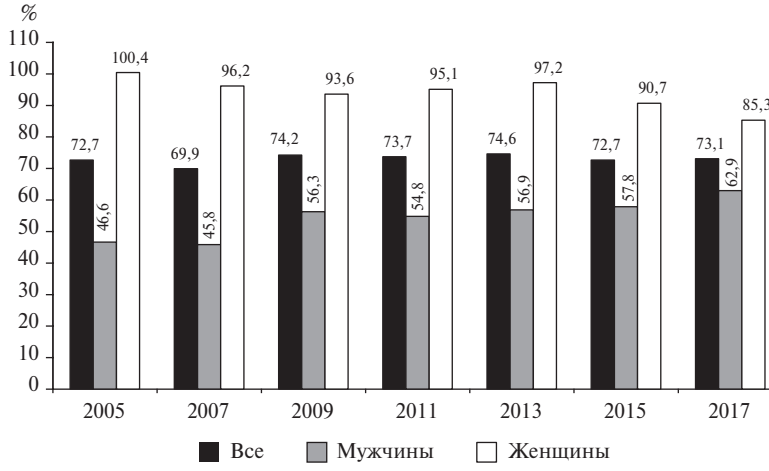

Рис. 6. Динамика премий за высшее образование, ОЗПП Росстата, по полу, 2005–2017 гг., %

Источник: рассчитано автором по данным ОЗПП Росстата.

Конечно, с учетом секторальных и отраслевых ограничений, отличающих выборку ОЗПП, априори не очевидно, что результаты, получаемые для специфического сегмента занятых на средних и крупных предприятиях, можно распространять на всех занятых в российской экономике. Стабильность отдач от образования по данным ОЗПП может отражать ситуацию исключительно в этом сегменте, тогда как во всей экономике она могла развиваться по иному сценарию – сценарию постепенного обесценения вложений в человеческий капитал. Впрочем, исходя из общих методологических соображений, намного правдоподобнее предполагать нечто прямо обратное, а именно, что из-за неполного отраслевого и секторального охвата данные ОЗПП вместо того, чтобы завышать, *занижают* показатели для всей экономики.

Причины достаточно очевидны. Вне поля зрения ОЗПП остаются, с одной стороны, отрасли с самыми высокими уровнями образо-

вания и заработной платы (финансовая деятельность и государственное управление), а с другой, отрасли с самыми низкими их уровнями (сельское хозяйство). Они не охватывают малое предпринимательство и неформальный сектор, где концентрируются работники с намного более низким образованием и намного более низкой оплатой, чем на крупных и средних предприятиях. И то и другое должно сглаживать, а не усиливать «зарплатные» контрасты между обладателями высокого и низкого образования по сравнению с теми, что наблюдаются во всей экономике.

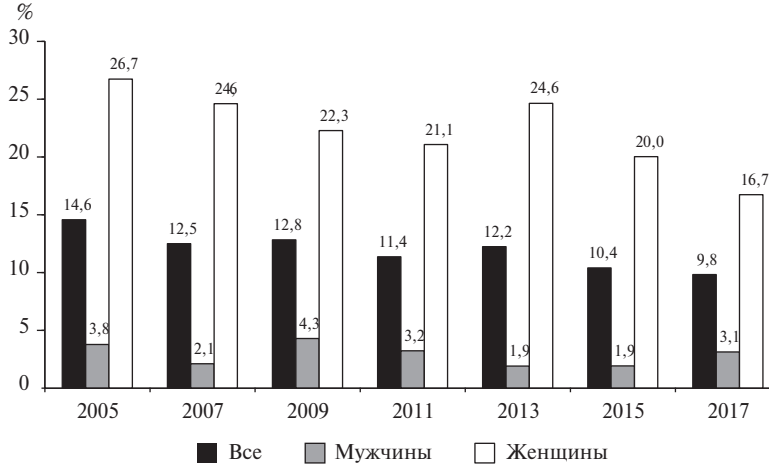

Рис. 7. Динамика премий за среднее профессиональное образование, ОЗПП Росстата, по полу, 2005–2017 гг., %

Источник: рассчитано автором по данным ОЗПП Росстата.

Это предположение подтверждается эмпирически. При внесении в альтернативные обследования – НОБУС за 2003 г. и ВНДН за 2016 г. – тех же отраслевых и секторальных ограничений, которые характерны для ОЗПП, оценки отдач по ним снижаются на 2–3 п.п. (рис. 6). По сути, это та корректировка, которую нужно применять к результатам по ОЗПП, если мы хотим перейти от оценок для занятых на крупных и средних предприятиях к оценкам для занятых во всей экономике. С этой корректировкой отдачи от образования по

ОЗПП возрастают до 12–13%. При наложении на данные НОБУС и ВНДН отраслевых и секторальных ограничений по типу ОЗПП премии за высшее и среднее профессиональное образование также ощутимо снижаются – на 15–20 п.п. и 5–10 п.п. соответственно (рис. 7). Иными словами, и в этом случае вероятная корректировка оказывается весьма значительной, выводя оценки премий по ОЗПП на еще более высокий уровень.

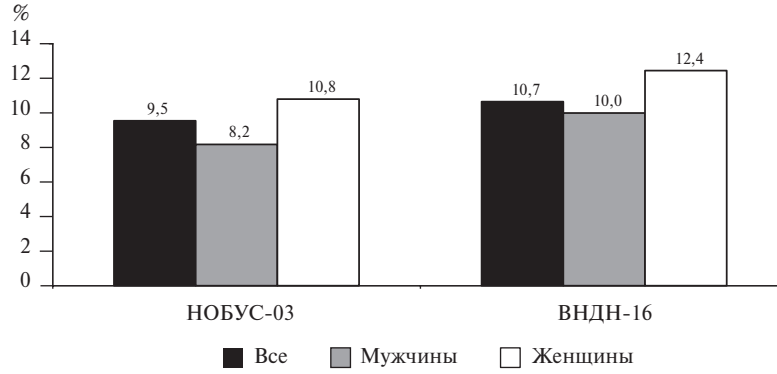

Рис. 8. Отдачи от образования при введении отраслевых и секторальных ограничений по типу ОЗПП, НОБУС за 2003 г. и ВНДН Росстата за 2016 г., по полу, %*

Источник: рассчитано автором по данным НОБУС и ВНДН Росстата.

* Исходные (нескорректированные) оценки для НОБУС приводятся на рис. 3, а для ВНДН – в табл. 5 и 6.

ВНИСФВ. Как уже отмечалось, можно предполагать, что как и выборка РМЭЗ, выборка ВНИСФВ имеет относительное смещение в пользу сегмента низкооплачиваемой занятости. Тем не менее оценки по этим обследованиям для тех лет, когда они проводились – 2014 и 2019 гг., оказываются заметно выше оценок по РМЭЗ (в базовой спецификации). Если в 2014 г. разрыв между показаниями этих источников был еще сравнительно невелик – 1–1,5 п.п., то к 2019 г. он возрос уже до 2–3 п.п. (рис. 8). Еще более контрастная картина вырисовывается для премий за высшее образование, по которым отставание РМЭЗ от ВНИСФВ достигает 20–30 п.п. (рис. 9). Что ка-

сается премий за среднее профессиональное образование, то известное преимущество по ним для ВНИСФВ также наблюдается, хотя и более скромное – порядка 5 п.п. (рис. 10)[20].

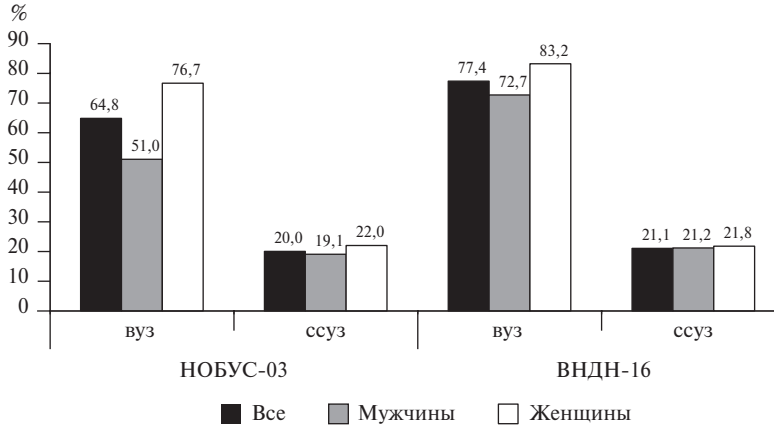

Рис. 9. Премии за высшее и среднее профессиональное образование при введении отраслевых и секторальных ограничений по типу ОЗПП, НОБУС, 2003 г., и ВНДН Росстата, 2016 г., по полу, %

Источник: рассчитано автором по данным НОБУС и ВНДН Росстата.

* Исходные (нескорректированные) оценки для НОБУС приводятся на рис. 4, а для ВНДН – в табл. 7.

Как видим, не только ОЗПП, но и ВНИСФВ не обнаруживает для второй половины 2010-х годов никаких свидетельств «проседания» экономической ценности образования.

ВНДН. Данные ВНДН покрывают практически все десятилетие 2010-х годов. Напомним, что это единственное российское обследование, во-первых, оперирующее теоретически наиболее корректным показателем годовых заработков и, во-вторых, позволяющее получать надежные оценки отдач от образования не только для наемных работников, но также для самозанятых.

[20] ВНИСФВ за 2019 г. – одно из немногих обследований, свидетельствующее о большем выигрыше от повышения образования для мужчин, чем для женщин.

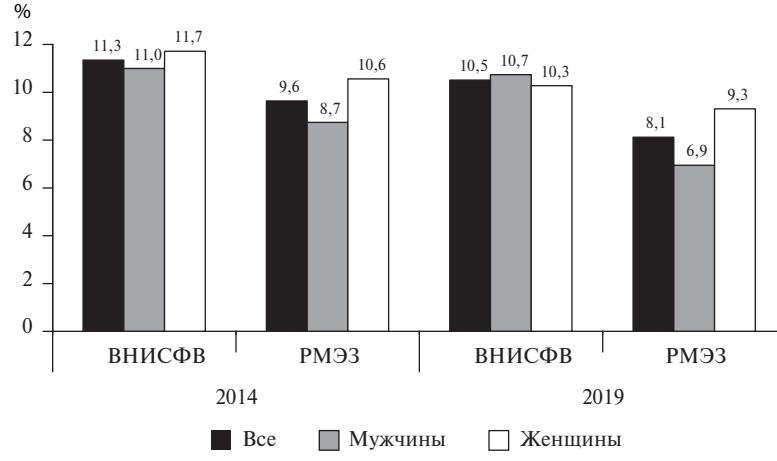

Рис. 10. Динамика отдачи от образования, ВНИСФВ Росстата и РМЭЗ ВШЭ, по полу, 2014 и 2019 гг., %

Источник: рассчитано автором по данным ВНИСФВ Росстата и РМЭЗ ВШЭ.

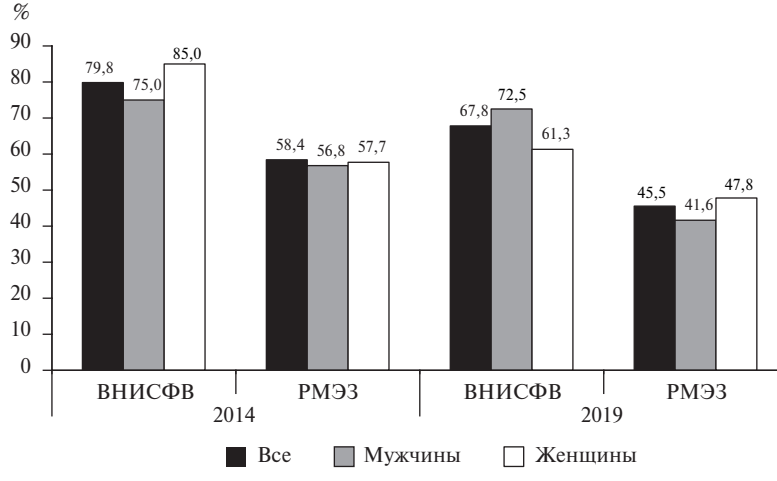

Рис. 11. Динамика премий за высшее образование, ВНИСФВ Росстата и РМЭЗ ВШЭ, по полу, 2014 и 2019 гг., %

Источник: рассчитано автором по данным ВНИСФВ Росстата и РМЭЗ ВШЭ.

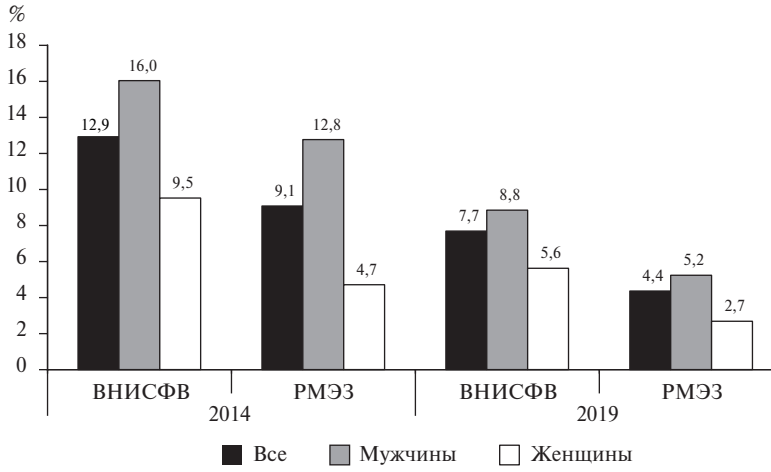

Рис. 12. Динамика премий за среднее профессиональное образование, ВНИСФВ Росстата и РМЭЗ ВШЭ, по полу, 2014 и 2019 гг., %

Источник: рассчитано автором по данным ВНИСФВ Росстата и РМЭЗ ВШЭ.

Наиболее общие результаты оценивания минцеровского уравнения для годовых заработков на данных ВНДН как по всей выборке, так и отдельно по подвыборкам наемных работников и самозанятых за 2011–2018 гг. представлены в табл. 5. Из-за немногочисленности группы самозанятых (в выборке ВНДН ее доля не превышает 5–7%) показатели для всей выборки и для подвыборки работающих по найму практически совпадают.

Из представленных в табл. 5 оценок следует несколько важных выводов. Во-первых, при использовании данных ВНДН о годовых заработках мы получаем самые высокие оценки отдач, достигающие 15–16% (!) и превышающие оценки по всем другим источникам почти в 1,5 раза. Это существенно выше оценок за тот же период по ОЗПП и ВНИСФВ (10–11%), не говоря уже о РМЭЗ (8–9,5%). Во-вторых, хотя отдачи для самозанятых демонстрируют достаточно сильную волатильность (в какие-то годы они превышают отдачи для наемных работников, в какие-то опускаются ниже них), о сколько-нибудь сильных групповых различиях говорить не приходится: и наемным работникам и самозанятым дополнительный год обучения обеспечи-

вает одинаково солидную прибавку к заработкам. В-третьих, оценки по ВНДН не дают никаких оснований для утверждений о падении отдач от образования до аномально низких значений: на протяжении всех 2010-х годов они почти не менялись, удерживаясь на одном и том же (стабильно высоком) уровне.

Таблица 5. Альтернативные оценки отдачи от образования, ВНДН Росстата, 2011–2018 гг., %

Год	Годовые заработки			Месячные заработки			Часовые заработки
	Все занятые	Наемные работники	Самозанятые	Все занятые	Наемные работники	Самозанятые	Наемные работники
2011	14,5	14,8	11,4	–	–	–	–
2013	15,7	15,6	16,8	13,9	13,8	10,4	14,0
2014	15,1	15,3	12,1	13,4	13,6	9,3	13,6
2015	14,6	14,6	10,3	13,1	13,3	10,5	13,3
2016	15,3	15,5	11,8	13,6	13,8	14,2	13,5
2017	15,2	15,2	15,8	13,3	13,5	14,6	13,3
2018	15,0	15,0	12,1	–	–	–	–

Источник: рассчитано автором по данным ВНДН Росстата.

Оценки, представленные в табл. 5, позволяют также судить о том, какое влияние на получаемые результаты оказывает выбор для показателя заработков того или иного временного формата. Так, они свидетельствуют, что у наемных работников отдачи при использовании месячных заработков становятся примерно на 2 п.п. ниже, чем при использовании годовых. (Для самозанятых аналогичный разрыв оказывается очень неустойчивым во времени: он то подскакивает до 3–5 п.п., то становится почти нулевым или даже отрицательным.) Кроме того, для работающих по найму мы имели возможность расширить анализ, дополнив его оценками с использованием часовых заработков. Как видно из последней колонки в табл. 5, переход от месячного формата к часовому, по существу, ничего не меняет в получаемых результатах.

Таким образом, мы не обнаруживаем эффекта, на существование которого указывают данные РМЭЗ. Из оценок ВНДН следует, что

в России, как и большинстве других стран, более образованные работники склонны трудиться дольше (большее число месяцев), чем менее образованные, с тем, чтобы как можно полнее реализовать выгоды от накопленного ими человеческого капитала: они реже отсутствуют на рабочих местах из-за болезней или по другим причинам, с меньшей вероятностью становятся безработными и быстрее находят новую работу, имеют меньший охват случайной, временной или сезонной занятостью и т.д. Вместе с тем в течение месяца как более, так и менее образованные российские работники трудятся, по-видимому, примерно одинаковое количество рабочих часов.

Кто выигрывает больше (в относительном выражении) от инвестиций в человеческий капитал – мужчины или женщины? Как и другие российские обследования, ВНДН свидетельствует, что в случае наемной занятости в несколько лучшем положении находятся женщины, хотя их отрыв от мужчин составляет только 1 п.п., что намного меньше, чем по данным других источников (табл. 6). Однако если говорить о самозанятых, то здесь вперед (хотя тоже не намного) выходят мужчины.

Таблица 6. Альтернативные оценки отдач от образования с использованием показателя месячных заработков, ВНДН Росстата, по полу, 2012–2017 гг., %

Год	Доход от трудовой деятельности			Заработная плата			Доход от самозанятости		
	Все	Мужчины	Женщины	Все	Мужчины	Женщины	Все	Мужчины	Женщины
2013	13,9	13,6	14,4	13,8	13,4	14,4	14,6	14,5	14,8
2014	13,4	12,9	14,0	13,6	13,1	14,2	10,4	10,6	9,9
2015	13,1	12,8	13,4	13,3	13,1	13,6	9,3	9,0	9,9
2016	13,6	13,6	13,7	13,8	13,8	13,8	10,5	11,0	9,8
2017	13,3	12,9	13,7	13,5	13,1	14,0	14,2	13,8	14,5

Источник: рассчитано автором по данным ВНДН Росстата.

Не только показатели отдач, но и показатели премий за высшее и среднее профессиональное образование, на которые выводят ВНДН, оказываются существенно выше тех же показателей по любым другим обследованиям (табл. 7). По данным ВНДН, выпускники вузов зара-

батывают в среднем примерно вдвое больше, чем выпускники средних школ, то есть премия за высшее образование приближается к 100%. (Или, говоря иначе, один год обучения в вузе обеспечивает 25%-ю прибавку к заработкам.) Размер выигрыша почти одинаков у мужчин и у женщин, что расходится с показаниями РМЭЗ, НОБУС и ОЗПП, свидетельствующими о существовании значительного гендерного разрыва в пользу женщин. У самозанятых премия за высшее образование несколько ниже, чем для работающих по найму, но и она очень значительна – колеблется вокруг отметки 80%.

«Окупаемость» среднего профессионального образования по ВНДН также превосходит его «окупаемость» по всем другим источникам, составляя примерно 30%. По размерам выигрыша от обучения в ссузах самозанятые пусть немного (примерно на 3 п.п.), но все же опережают работающих по найму.

Таблица 7. Альтернативные оценки премий за высшее и среднее профессиональное образование с использованием показателя месячных заработков, ВНДН Росстата, по полу, 2013–2017 гг., %

Год	Общий доход от трудовой деятельности			Заработная плата			Доход от самозанятости		
	Все	Мужчины	Женщины	Все	Мужчины	Женщины	Все	Мужчины	Женщины
	Высшее образование								
2013	97,1	91,2	104,2	96,8	90,4	104,1	106,6	97,4	124,6
2014	88,8	84,5	94,9	91,8	86,9	98,3	67,5	71,7	57,9
2015	88,1	88,1	87,0	90,0	89,9	89,2	68,2	73,0	53,1
2016	94,8	94,6	95,3	97,9	98,3	97,3	55,8	56,1	60,7
2017	94,1	90,7	98,1	93,6	87,2	97,0	105,4	112,6	86,1
	Среднее профессиональное образование								
2013	33,3	33,2	34,4	33,0	32,9	34,0	47,1	42,8	56,7
2014	26,4	27,0	27,4	27,8	28,8	28,4	24,0	21,8	22,5
2015	28,7	31,8	25,2	28,4	30,5	26,0	42,6	58,9	13,7
2016	26,9	28,1	25,5	28,6	30,4	26,4	8,1	8,3	11,5
2017	29,7	29,6	30,0	29,3	26,5	29,0	39,3	49,6	19,7

Источник: рассчитано автором по данным ВНДН Росстата.

Итак, данные ВНДН свидетельствуют о поддержании на протяжении всех 2010-х годов устойчиво высоких премий как за высшее, так и за среднее профессиональное образование. Этот результат не согласуется ни с тезисом о резком падении в этот период экономической ценности высшего образования, ни с тезисом о полной ее утрате средним профессиональным образованием.

Заключение

Главный вклад нашего исследования в существующую литературу, посвященную особенностям накопления и использования человеческого капитала в России, заключается в том, что оно вводит в научный оборот ряд новых источников, до сих оставшихся вне поля зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей. Выводы, получаемые при использовании данных из этих альтернативных источников, во многом расходятся с выводами как экспертов Всемирного банка, так и многих отечественных авторов, базирующимися на данных РМЭЗ ВШЭ.

Предложенный нами расширенный подход позволяет по-новому взглянуть на проблему отдачи от образования в России. Он показывает, что только одно обследование – РМЭЗ – действительно выводит на достаточно скромные показатели, хотя и они оказываются выше показателей в 2–5%, фигурирующих во многих зарубежных и отечественных работах последнего времени. Даже данные ВНИСФВ, которые, как и данные РМЭЗ, по-видимому, относительно смещены в зону низкооплачиваемой занятости, демонстрируют отдачу на уровне 10–11%. Оценки ВНДН и скорректированные оценки ОЗПП – двух методологически наиболее выверенных источников – говорят о том, что она еще выше – не менее 12–13%[21].

Точно так же только данные РМЭЗ рисуют картину неуклонного снижения экономической ценности образования начиная с середины 2000-х годов. Другие исследования рассказывают иную историю. Данные ВНИСФВ свидетельствуют о том, что отдача от образования оставалась стабильно высокой на протяжении последних пяти, дан-

[21] Оценки по этим двум обследованиям представляются заслуживающими наибольшего доверия. Первые – потому что строятся на данных административной статистики, вторые – потому что при их получении используется максимально детализированная информация о доходах домохозяйств.

ные ВНДН – на протяжении последних десяти и данные ОЗПП – на протяжении последних пятнадцати лет. Никакого тренда к устойчивому снижению экономической ценности образования они не обнаруживают.

Наш анализ на данных различных регулярных обследований фиксирует также исключительно высокую премию за высшее и скромную, но все же ощутимую премию за среднее профессиональное образование. Это опять-таки не согласуется с выводами, которые можно встретить во многих других работах. Исходя оценок по ВНДН и скорректированных оценок по ОНПЗ, можно утверждать, что в российских условиях получение вузовского диплома способствует увеличению заработков примерно вдвое (премия за высшее образование близка к 100%). Обучение в ссузах также не выглядит экономически бессмысленным, обеспечивая прибавку к заработкам порядка 15–25%. И в случае премий за высшее и среднее профессиональное образование альтернативные источники точно так же не регистрируют никаких видимых признаков начавшейся девальвации: на протяжении последних полутора десятилетий и те и другие, по существу, стояли на одном и том же месте.

Итак, альтернативные обследования, включенные в анализ, во-первых, выводят на существенно более высокие оценки отдач от образования и, во-вторых, совершенно иначе представляют их динамику во времени: вместо резкого падения до крайне низких значений мы наблюдаем стабильно высокие показатели без каких-либо свидетельств переинвестирования в человеческий капитал. Это позволяет отвергнуть тезис об аномально низкой отдаче от образования в современной России, поскольку он не подтверждается большинством имеющихся в нашем распоряжении источников. Вопреки мнению многих зарубежных и отечественных исследователей «окупаемость» российского образования предстает в межстрановой перспективе не как более низкая, а как более высокая. Это означает, что стимулы к инвестированию в человеческий капитал по-прежнему остаются очень сильными. Как следствие, поведение российских домохозяйств на образовательном рынке перестает казаться таким нерациональным, каким оно де-факто выглядит в работах сторонников идеи о «российском образовательном проклятии».

Стоит также подчеркнуть, что в самой ситуации, когда, несмотря на быстрое улучшение образовательных характеристик рабочей силы,

отдача от образования продолжает оставаться стабильно высокой, нет ничего необычного: по такому сценарию развивались события на протяжении последнего полувека практически во всем мире [Psacharopoulos, Patrinos, 2018]. Вопрос о том, как получилось, что в российской экономике спрос на образованную рабочую силу рос такими же высокими темпами, как и ее предложение, выходит за рамки настоящего исследования. (Попытки ответить на него предпринимались в других наших работах: [Капелюшников, 2012; 2013]; см. также: [Telezhkina, Maksimov, 2020].) Повторим: здесь мы пытались решать исключительно измерительные задачи, сознательно вынося за скобки обсуждение более сложных концептуальных проблем. Ограничимся лишь напоминанием о том, что отдачи – это относительный показатель. Соответственно, они могут оказываться внушительными не только тогда, когда предприниматели начинают предъявлять все больший спрос на рабочую силу с высоким образованием, что толкает ее заработки вверх, но и тогда, когда они начинают предъявлять все меньший спрос на рабочую силу с низким образованием, что тянет ее заработки вниз.

В любом случае мы вправе констатировать, что в России экономическая привлекательность высшего и даже среднего профессионального образования остается (во всяком случае – пока) достаточно высокой. Это означает, что не следует ожидать резкого ослабления притока в экономику высокообразованной (по формальным признакам) рабочей силы из-за резкого ослабления спроса на рынке образовательных услуг со стороны домохозяйств. Если такое ослабление и возможно, то не столько за счет уменьшения выгод, сколько за счет увеличения издержек – не вследствие негативных сдвигов в структуре относительных заработков, а вследствие нарастания денежного и неденежного бремени для учащихся и их семей (будь то повышение платы за обучение, ужесточение требований к учебному процессу, активизация отсева, сокращение числа учебных заведений, урезание количества мест в них, и т.п.).

Нельзя не признать, что в условиях низких и непрерывно снижающихся отдач от образования политика ограничения предложения образовательных услуг может представать как рациональная (во всяком случае – в первом приближении). Однако в условиях, когда отдачи остаются стабильно высокими, это может оборачиваться серьезными потерями для общества в долгосрочной перспективе.

Литература

Аникин В.А. (2018). Человеческий капитал в посткризисной России: состояние и отдача // Журнал институциональных исследований. Т. 10. № 2. С. 90–117.

Архипова М.Ю., Егоров А.А., Сиротин В.П. (2017). Отдача от образования в России и на Украине: сравнительный анализ // Прикладная эконометрика. Т. 47. С. 100–122.

Капелюшников Р.И. (2012). Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее? Ч. 2 // Вопросы экономики. № 3. С. 120–147.

Капелюшников Р.И. (2013). Упала ли экономическая отдача от образования? // Экономика образования. № 1. С. 44–50.

Лукьянова А.Л. (2010). Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 14. № 3. С. 326–348.

Тихонова Н.Е., Каравай А.В. (2018). Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. № 5. С. 84–98.

Anikin V.A., Karavay A. (2020). Human Capital in Post-Transition Russia: Some Critical Remarks // Baltic RIM Economies Review. No. 1. P. 37–37.

Belskaya O., Sabirianova Peter K., Posso C. (2014). College Expansion and the Marginal Returns to Education: Evidence from Russia. Bonn: IZA. IZA Discussion Paper No. 8735.

Cheidvasser S., Benitez-Silva H. (2007). The Educated Russian's Curse: Returns to Education in the Russian Federation during the 1990s // Labour. Vol. 21. No. 1. P. 1–41.

Das T., Polachek S.W. (2017). Micro Foundations of Earnings Differences // IZA Discussion Paper Series. DP No. 10922.

Dougherty C. (2003). Why is the Rate of Return to Schooling Higher For Women Than for Men? // CEP Discussion Paper No. 581.

Flabbi L., Paternostrod S., Tiongson E.R. (2008). Returns to Education in the Economic Transition: A Systematic Assessment Using Comparable Data // Economics of Education Review. Vol. 27. No. 6. P. 724–740.

Gimpelson V., Kapeliushnikov R. (2017). Age and Education in the Russian Labour Market Equation // IZA Discussion Paper Series. DP 11126.

Melianova E., Parandekar S., Patrinos H.A., Volgin A. (2020). Returns to Education in the Russian Federation: Some New Estimates // Policy Research Working Paper No. 9387.

Mincer J. (1974). Schooling, Experience, and Earnings. N.Y.: National Bureau of Economic Research, Columbia University Press.

Montenegro C.E., Patrinos H.A. (2014). Comparable Estimates of Returns to Schooling around the World // Policy Research Working Paper No. 7020.

Psacharopoulos G., Patrinos H.A. (2004). Returns to Investment in Education: A Further Update // Economics of Education. Vol. 12. No. 2. P. 111–134.

Psacharopoulos G., Patrinos H.A. (2018). Returns to Investment in Education: A Decennial Review of the Global Literature // Education Economics. Vol. 26. No. 5. P. 445–458.

Telezhkina M.S., Maksimov A.G. (2020). Does Technological Development Explain Higher Education Expansion? Moscow: Higher School of Economics. WP BRP 59/EDU/2020.

Приложение

Таблица П1. Альтернативные оценки отдачи от образования, РМЭЗ ВШЭ, 2000–2019 гг., мужчины, %

Год / номер спецификации	Лог часового фактического заработка; фактическое число лет образования	Лог часовой контрактной заработной платы; фактическое число лет образования	Лог часового комбинированного заработка; фактическое число лет образования	Лог часового комбинированного заработка; вмененное число лет образования	Лог месячного комбинированного заработка; вмененное число лет образования	Лог часового комбинированного заработка; вмененное число лет образования; 25–64 года	Всемирный банк
	1	2	3	4 (базовая)	5	6	7
2000	9,0	8,3	9,3	11,7	10,0	11,8	8,6
2001	6,3	6,9	7,7	9,5	8,9	9,6	9,2
2002	7,2	7,7	8,0	10,7	10,4	11,2	9,4
2003	8,4	7,6	8,4	10,3	10,8	10,7	8,8
2004	6,5	6,8	6,9	9,4	8,7	10,0	8,6
2005	6,9	6,4	6,8	9,3	9,2	8,6	7,6
2006	6,8	7,3	7,4	9,0	8,8	8,6	7,6
2007	7,1	6,9	7,2	8,6	7,5	8,4	5,6
2008	7,0	7,4	7,1	8,6	8,3	8,6	7,8
2009	7,3	7,1	7,3	8,8	8,0	8,6	7,0
2010	7,4	7,4	7,4	9,2	8,3	9,2	7,2
2011	6,9	7,4	7,2	8,6	7,7	8,3	7,4
2012	7,1	6,7	7,0	8,3	7,5	8,4	6,8
2013	6,7	6,9	6,7	8,3	7,4	8,5	6,7
2014	7,1	7,5	7,3	8,7	7,6	8,3	7,2
2015	6,5	6,8	6,4	7,8	7,2	7,6	6,7
2016	6,5	7,3	6,6	8,0	7,2	7,8	6,9
2017	6,0	6,5	6,1	7,3	6,5	7,3	6,6
2018	6,1	6,3	6,2	7,2	6,3	7,0	6,1
2019	6,0	6,5	6,0	6,9	6,2	7,3	–

Источники: РМЭЗ ВШЭ; [Melianova et al., 2020].

Таблица П2. Альтернативные оценки отдачи от образования, РМЭЗ ВШЭ, 2000–2019 гг., женщины, %

Год / номер спецификации	Лог часового фактического заработка; фактическое число лет образования	Лог часовой контрактной заработной платы; фактическое число лет образования	Лог часового комбинированного заработка; фактическое число лет образования	Лог часового комбинированного заработка; вмененное число лет образования	Лог месячного комбинированного заработка; вмененное число лет образования	Лог часового комбинированного заработка; вмененное число лет образования; 25–64 года	Всемирный банк
	1	2	3	4 (базовая)	5	6	7
2000	8,3	9,7	9,4	11,6	10,6	13,0	10,5
2001	7,4	9,4	9,3	11,0	10,0	11,6	11,4
2002	8,8	9,2	9,3	12,5	11,5	12,8	11,1
2003	10,4	10,5	10,6	13,5	12,1	14,2	11,8
2004	9,7	10,0	10,2	12,5	11,4	13,4	11,0
2005	9,7	10,0	10,3	14,0	12,1	14,4	11,5
2006	9,3	10,0	9,5	11,9	11,0	13,5	11,3
2007	8,8	9,1	9,0	11,6	10,3	12,5	9,6
2008	8,9	9,0	9,0	11,7	10,5	12,9	10,8
2009	8,5	9,1	8,8	11,5	10,8	12,8	10,6
2010	8,0	8,4	8,2	10,8	9,5	11,8	9,4
2011	7,9	8,6	8,2	10,6	9,2	11,5	9,0
2012	7,9	7,7	8,0	10,5	9,3	11,3	8,5
2013	8,3	8,3	8,4	11,0	9,7	12,0	9,4
2014	7,8	8,2	7,8	10,6	9,5	11,3	9,6
2015	7,0	7,2	7,1	9,6	8,7	10,1	8,0
2016	7,3	7,6	7,3	9,8	8,9	10,4	8,5
2017	7,0	7,3	7,0	9,2	7,8	9,7	7,4
2018	7,4	7,1	7,2	9,4	7,7	10,0	7,1
2019	7,3	7,1	7,2	9,3	8,4	10,0	–

Источники: РМЭЗ ВШЭ; [Melianova et al., 2020].

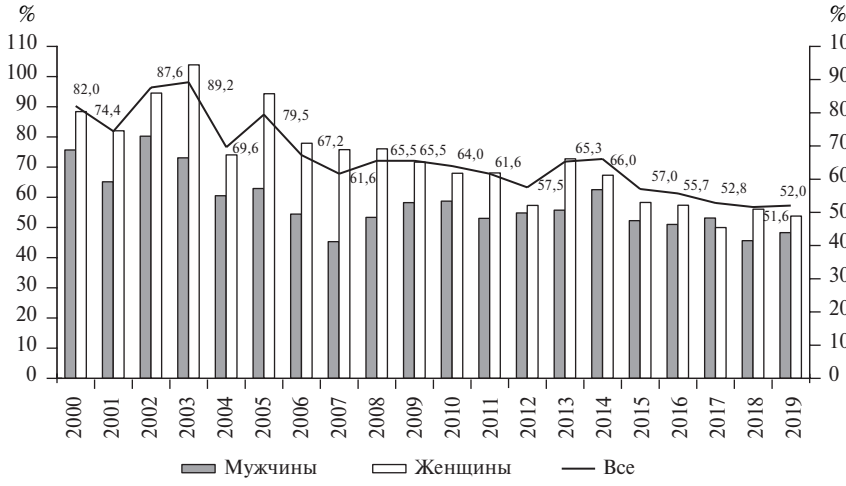

Рис. П1. Динамика скорректированных премий за высшее образование с выделением неполного высшего образования, РМЭЗ ВШЭ, по полу, 2000–2019 гг., %

Источник: рассчитано автором по данным РМЭЗ ВШЭ.

Kapeliushnikov, R. I.

Returns to Education in Russia: Nowhere Lower? [Text] : Working Paper WP3/2021/03 / R. I. Kapeliushnikov ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2021. – 52 p. – (Series WP3 "Labour Markets in Transition"). – 35 copies. (In Russian)

The paper presents a wide set of estimates for returns to education in Russia, introducing a number of new sources of microdata that previosly remained unused by both Russian and foreign researchers. Till now virtually all available estimates for Russia were based on data from a single source - the Russian Monitoring of the Health and Economic Situation of the Population (RLMS HSE). According to these data, since the mid-2000s returns to education rapidly declined and have been dropped to abnormally low levels. The paper tests the thesis of overlow economic value of Russian education using data from three alternative representative surveys regularly conducted by Rosstat. The analysis shows that currently returns to education in Russia reach 12–13%, which is much higher than the standard RLMS estimates. University-type tertiary education almost doubles earnings (that is, its premium approaches to 100%), and even short-cyle tertiary education provides a premium of about 20–30%. Alternative sources also indicate that over the past fifteen years, returns to education in Russia remained stable and, therefore, no decreasing trend in the economic value of education has been observed. This makes it possible to reject the currently popular thesis about abnormally low returns to education in Russia.

Препринт WP3/2021/03
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Капелюшников Ростислав Исаакович

Отдача от образования в России: ниже некуда?

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 1/16. Тираж 35 экз. Уч.-изд. л. 2,9.
Усл. печ. л. 3,1. Заказ № . Изд. № 2482

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Измайловское шоссе, 44, стр. 2
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»